

ЖУРНАЛЬНЫЕ ЗАМѢТКИ.

«Домъ съ мезониномъ», рассказ
А. Чехова.

Въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли» читатель найдетъ небольшой рассказецъ А. Чехова «Домъ съ мезониномъ», написанный чрезвычайно красиво, изящно, но какъ-то торопливо, какъ будто авторъ имѣлъ большую мысль, хотѣлъ нарисовать широкую картину жизни, но потомъ раздумалъ и ограничился двумя-тремя мѣстами, правда, сильными и яркими мазками, но въ общемъ настолько все-таки блѣдными, что передъ вами какъ-будто проносятся тѣни, а не живые люди. Въ деревнѣ отдыхаетъ дѣтѣмъ художникъ. Это былъ странный человекъ, изъ породы тѣхъ «хмурыхъ» героев, которыми такъ обильно переполнены всѣ рассказы г. Чехова. Съ юныхъ лѣтъ онъ издерганъ былъ завистью, недовольствомъ собой, невѣріемъ въ свое дѣло. Его тѣготила тайна жизни, невозможность разгадать ее.

Науки и искусства, — думаетъ онъ, — должны стремиться не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему, — они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и заботамъ дня, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь. У насъ, — говорилъ онъ, — много медиковъ, фармацевтовъ, юристовъ, стало много грамотныхъ, но совсѣмъ нѣтъ биологовъ, математиковъ, философовъ, поэтовъ.

Весь умъ, вся душевная энергія ушли на удовлетвореніе временныхъ, переходящихъ нуждъ... У ученыхъ, писателей и художниковъ кипитъ работа, по ихъ милости удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ до правды еще далеко, и человекъ по прежнему остается самымъ хищнымъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человечество въ своемъ большинствѣ выродилось и утерало навсегда всякую жизнеспособность.

При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго нечистоплотнаго животнаго, поддерживая существующій порятокъ. И я, — восклицаетъ художникъ, — не хочу работать, и не буду... Ничего не нужно, пусть земля провалится въ тартарары...

И художникъ, махнувъ на все рукою съ тоскою на сердцѣ и опустошенной душой, печально бродилъ одинокій, никому не нужный, по полямъ, проселочнымъ дорогамъ или же по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ въ свои окна на небо, на птицъ, на алдеи.

Но вотъ совершенно случайно онъ знакомится съ семействомъ Волчаниновыхъ — матерью и двумя дочерьми. Старшая дѣвушка, Лидія, была живая, искренняя, убѣжденная дѣвушка, увлечавшаяся земствомъ, борьбой съ кулаками, школами, библіотеками. Несмотря на большія средства, она была учительницей въ земской школѣ и полу-

чала 25 рублей въ мѣсяцъ. Лидія тратила на себя только эти деньги и гордилась, что живетъ на собственный счетъ. По цѣлымъ днямъ она работала, то учила ребятишекъ, то лѣчила крестьянскихъ бабъ, раздавала книжки, а по вечерамъ вела «умныя» бесѣды съ «умными», серьезными земцами, изъ тѣхъ, что полиберальнѣе.

Счастливая, довольная сознаниемъ исполненнаго долга, она естественно видѣла въ художникъ чужого человека и не долюбливала его. Между ними часто велись горячіе споры; они раздражались и начинали чуть-ли не ненавидѣть другъ друга. Онъ, конечно, отрицалъ всю ея дѣятельность, всѣ эти больницы, библіотеки. Но моему, — говорилъ онъ, — медицинскіе пункты, школы, библіотеки, аптечки, при существующихъ условіяхъ, служатъ только порабощенію. Народъ окутанъ цѣпью великой, и вы не рубите этой цѣпи, а лишь прибавляете новыя звенья. Вся жизнь народа, — развивалъ онъ свою мысль, — проходитъ въ одномъ непрерывномъ трудѣ, только ради куска хлѣба. Весь ужасъ положенія милліардовъ людей въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодъ, холодъ, животный страхъ, масса труда, точно снѣговые обвалы, загрозили имъ всѣ пути къ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человека отъ животныхъ и составляетъ единственное, ради чего стоитъ жить. Вы, — говорилъ художникъ Лидіи, — приходите къ нимъ на помощь съ больницами и школами, но этимъ

не освобождаете ихъ отъ путъ, а, напротивъ, еще больше порабощаете, такъ какъ внося въ ихъ жизнь новыя предразсудки, вы увеличиваете число ихъ потребностей, не говоря уже о томъ, что за мушки и книжки они должны платить земству и, значить, сильнее гнуть спину.

Но Лидія, эта прямолинейная, ограниченная дѣвушка, застыла въ своей формулѣ, и спасеніе міра видѣла въ однихъ только аптечкахъ и библиотечкахъ. Она не могла понять, какъ смѣшны, какъ наивны всѣ эти затѣи.

Недѣзя сидѣть, сложа руки,—отвѣчала она и затѣмъ продолжала: самая высокая и святая задача культурнаго человѣка—это служить ближнимъ. И она служила, полагая въ простотѣ своей душевной, что исцѣливъ какую-нибудь Пелагею отъ лихорадки или научивъ десятокъ, другой грязныхъ, вѣчно копающихся въ навозѣ Ванюшекъ кое-какъ грамотѣ, чтобы они могли читать по складамъ вывѣски на балконахъ,—она тѣмъ самымъ выполняетъ назначеніе человѣка, спасаетъ міръ.

Милліоны людей задыхаются въ грязи, холодные, голодные, съ смутнымъ неудовлетвореннымъ стремленіемъ къ Богу, съ желаніемъ отыскать смыслъ и правду жизни, а культурныя либеральныя Лидіи предлагаютъ имъ аптечки, мушки, хину, касторовое масло и хорошія книжки, гдѣ прописано, что люди должны любить другъ друга. Скукой, трупнымъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ прямолинейныхъ, добродѣтельныхъ Лидій, довольныхъ, счастливыхъ, ушедшихъ съ головой въ больницы и вы-

ше ихъ ничего не знающихъ. Иной была младшая сестра ея Женя, совѣтъ еще юная дѣвушка. Ни о какомъ служеніи народу, ни о какихъ больничкахъ и полезныхъ книжкахъ она не думала. Живая, съ только что просыпавшейся женской душой, она полюбила художника и онъ полюбилъ ее.

«Какъ трогательно прекрасны были ея бѣдное лицо, тонкая шея, тонкія руки, ея слабость, праздность, ея ножки. А умъ? И,—разсказываетъ художникъ, отъ лица котораго ведется весь разсказъ,—подозрѣвалъ у нея недюжинный умъ, меня восхищала широта ея воззрѣній, быть можетъ, потому, что она мыслила иначе, чѣмъ строгая, красивая Лидя, которая не любила меня. И нравился Женѣ, какъ художникъ, и побѣдилъ ея сердце своимъ талантомъ и мнѣ страстно хотѣлось писать только для нея, и я мечталъ о ней, какъ о своей маленькой королеви, которая вмѣстѣ со мною будетъ владѣть этими деревьями, полями, туманомъ, зарею, этою природою, чудесной, очаровательной, но среди которой я до сихъ поръ чувствовалъ себя безнадежно одинокимъ и не нужнымъ».

Но судьба рѣшила иначе. Не суждено было Женѣ стать королевой художника. Бросила она въ измученную, усталую грудь его искру любви и скрылась навсегда. О любви ихъ узнала суровая Лидя, и вотъ, когда художникъ пришелъ къ Волчаниновымъ, онъ никого не нашелъ въ домѣ. И только въ корридорѣ, изъ-за запертой двери, онъ услышалъ голосъ Лиды:

«Воронѣ гдѣ-то... Богъ...—гово-

рила она громко и протяжно, вѣроятно, диктуя—Богъ послалъ кусочекъ сыру... Воронѣ...» Художникъ окликнулъ ее и спросилъ о Женѣ. Ему отвѣтили, что она уѣхала съ матерью за-границу. Растерянный художникъ стоялъ передъ закрытой дверью, а за нею все также ровно и спокойно Лидя диктовала: «Воронѣ Богъ послалъ кусочекъ сыру...» И снова почувствовалъ себя художникъ одинокимъ, никому ненужнымъ чужакомъ; снова стало случно жить ему...

Вотъ и весь этотъ прелестный разсказъ. Мнѣ кажется, я почти убѣжденъ въ томъ, что авторъ его первоначально думалъ написать нечто большое, широкое, но кончилъ разсказомъ, какимъ-то наброскомъ, отрывкомъ изъ воспоминаній. И думается мнѣ, что онъ не вѣритъ въ свое призваніе, что больно ему работать и расточать сокровища души своей «для забавы хищнаго нечистоплотнаго животнаго». Мнѣ кажется дальше, что авторъ тщетно ищетъ правды и смысла жизни, и не находитъ ихъ; я убѣжденъ, что онъ томится тоской одиночества, что въ груди его большой пѣть счастья, пѣть вѣры въ него.

И вотъ, вмѣсто того, чтобы дать намъ широкую картину, гдѣ-бы жила текла могучимъ потокомъ,—картину достойную его огромнаго таланта,—онъ подноситъ намъ всего на всего небольшой разсказъ, набросанный усталой, лѣтливой рукой... Странно, что у него достало силъ и на этотъ подвигъ...